

История

Дэн Сяопин в Москве (1926–1927): идейное становление революционера и будущего реформатора

© 2011

А. Панцов, Д. Спичак

В статье на основе ставших доступными документов, хранящихся в Российском архиве социально-политической истории (РГАСПИ), прежде всего материалов из личных дел Дэн Сяопина и его соучеников, подробно рассказывается об истории обучения в Москве в 1926–1927 гг. будущего великого реформатора Китая. Всесторонне анализируются вопросы, связанные с идейно-теоретической и партийно-политической подготовкой Дэн Сяопина в одном из ведущих коминтерновских вузов – Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. Авторы приходят к выводу, что все, что Дэн Сяопин постиг за время этой учебы, оказало решающее влияние на формирование его марксистских взглядов. И то, что рожденный в КНР «социализм с китайской спецификой» во многом напоминает советский нэп, в немалой степени объясняется полученным Дэнгом советским образованием.

Ключевые слова: Дэн Сяопин, Коминтерн, Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК).

85 лет назад, в самом начале 1926 г., будущий великий реформатор Китая Дэн Сяопин (1904–1997) впервые вступил на российскую землю. Он приехал в Москву из Франции по решению Европейского отделения КПК, страстно стремясь изучить большевистский опыт. Оставался он в СССР целый год. Какие же знания получил Дэн Сяопин на родине Октября? Что воспринял из прочитанного и увиденного? Как пребывание в революционной России повлияло на его идейное становление?

Документы, хранящиеся в Российском архиве социально-политической истории (РГАСПИ), прежде всего материалы из личных дел Дэн Сяопина и его соучеников, а также фондов университетов, в которых они учились, позволяют ответить на эти вопросы. Из этих документов становится ясным, что Дэн вместе с 17 товарищами, членами Европейских бюро КПК и китайского комсомола (КСМК) прибыл в Москву через Германию и Польшу в воскресенье 17 января 1926 г. На Белорусско-Балтийском (бывшем

Панцов Александр Вадимович, доктор исторических наук, профессор Капитолийского университета (США). E-mail: apantsov@capital.edu.

Спичак Дарья Александровна, кандидат исторических наук, доцент Государственного университета — Высшая школа экономики. E-mail: dspichak@rambler.ru.

Александровском) железнодорожном вокзале их встретили представители Московского отделения КПК, которые отвезли их на Страстную площадь, в здание бывшего женского монастыря, где располагался Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Там, несмотря на воскресный день, всем выдали студенческие билеты и дали псевдонимы. Дэн получил фамилию Крезов¹. Почему, сказать трудно. Возможно, при регистрации кто-то обратил внимание, что он некоторое время работал во Франции в городе Ле Крезе. Хотя, скорее всего, псевдоним был выбран произвольно: работники отделов кадров коминтерновских вузов обычно недолго думали, прежде чем дать псевдоним студенту. Главное было соблюсти конспирацию. Друг Дэна и глава Европейского отделения КСМК Фу Чжун стал Алексеем Георгиевичем Диваковым, а дядя Дэна, член КПК Дэн Шаошэн, также приехавший на учебу, — Владимиром Юрьевичем Данилиным². После этого всех разместили в общежитии, которое находилось тут же, в бывших кельях монастыря, закрытого большевиками еще 30 марта 1919 г.

Монастырь тогда передала наркомату по военным и морским делам, превратившему его в казарму. Через два года, однако, солдат Троцкого сменили студенты КУТВ, а само здание приписали к Наркомату по делам национальностей, в ведении которого тогда находился университет. В 1923 г. в связи с ликвидацией Наркомнаца здание и сам КУТВ отошли Восточному отделу Коминтерна, но самому университету было присвоено имя И.В. Сталина, бывшего наркома по делам национальностей (к тому времени Сталин был Генеральным секретарем ЦК большевистской партии, одним из главных ее вождей.)³

В то время, когда Дэн приехал учиться, сталинский комвуз считался одним из крупнейших в Советской России. В нем насчитывалось 1664 студента почти всех национальностей Востока. Среди них китайцев — более 100 человек, причем большинство из Европы⁴.

В Москве Дэн встретил много знакомых по Франции⁵, в том числе бывшего вождя Европейских отделений КПК и КСМК Жэнь Чжосюаня (псевдоним — Рафаил). Под его руководством он работал несколько месяцев в Париже и Лионе. Жэнь находился в Москве два месяца, но не столько учился, сколько занимался общественной деятельностью. За несколько дней до приезда Дэна его избрали секретарем Московского отделения КПК, и 19 января он оформил всех вновь прибывших в члены этой организации⁶, к удивлению многих, обязав подчиняться военной дисциплине.

Дело в том, что члены местных ячеек КПК и КСМК жили практически на казарменном положении. Так было всегда, начиная с создания этих организаций в декабре 1921 г. Этот порядок установили сами китайцы-руководители ячеек, считавшие своим долгом выжигать каленым железом из сознания подчиненных якобы унаследованные ими от «отсталого патриархального общества» старые идеи и представления. Вот что вспоминает по этому поводу Чжэн Чаолин (псевдоним — Марлотов), приехавший в Москву на три года раньше Дэна, весной 1923 г. «Они [члены Московского отделения КПК] были разделены на вождей и массы. Вожди отдавали приказы, а массы их выполняли. Вожди вели себя так, как будто не являлись такими же студентами, как другие, а их учителями... Во Франции у нас тоже были вожди, но они завоевывали положение естественным путем, благодаря политической активности... Мы искренне принимали их как наших вождей, но считали товарищами, может быть, более способными, но тем не менее такими же, как мы... Представление же о вождях московских студентов коренным образом отличалось от нашего... Они не только раболепствовали перед ними публично, но не смели даже высказывать свое недовольство в частной беседе... Мы были разделены на несколько ячеек, по четыре или пять человек в каждой... Ячейка собиралась на заседания раз или два в неделю. Кроме того, было бесчисленное количество других собраний и митингов, каждый из которых длился по два, три, а то и четыре часа. Атмосфера была горячей, взвинченной и напряженной. Что мы делали? Ничего. Какие теоретические иссле-

дования проводили? Никаких. Большую часть времени занимала “критика индивидуализма”... Те, кого критиковали, бросали потом те же обвинения в адрес своих критиков. А в результате все заканчивалось тем, что люди краснели, и семена ненависти взрастали в их сердцах»⁷.

Хотя Жэнь тоже приехал из Франции, он быстро воспринял стиль «москвичей», и став секретарем, продолжал насаждать его. Оправдывая свою политику, он позже писал: «Нашим методом был ленинский принцип партийной самокритики.. Ведь все студенты являлись интеллигентами, выходцами из мелкобуржуазных классов, поэтому, принимая во внимание, что компартия является политической партией пролетариата, мы считали необходимым заставить их трансформировать свое мелкобуржуазное сознание и сменить свой буржуазный окрас. Это означало, что студенты должны были перестраивать себя во всем — в мыслях, словах, делах, поведении, но, если они этого не делали, мы их критиковали, причем сурово, до тех пор, пока они не перестраивались»⁸.

Несмотря на знакомство с Дэном, Жэнь тут же стал «перестраивать» и его. Уже через неделю после прибытия Дэн должен был выступить с самокритикой. И он, как послушный член партии, представил письменное заявление: «Хотя я и приехал сюда недавно, организация уже подвергла меня совершенно справедливой критике для того, чтобы я знал свои недостатки и продвигался вперед по пути самосовершенствования и успешного превращения в настоящего коммуниста. Я уже преисполнился решимости исправить ошибки, чтобы достичь позитивных результатов»⁹.

Штаб-квартира Московского отделения КПК находилась не в КУТВ, а в другом коминтерновском вузе, открытом за два месяца до приезда Дэна, — в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК) по адресу Волхонка 16. Раньше здесь располагалась 1-я Московская губернская гимназия, одна из старейших в столице. В отличие от КУТВ Университет им. Сунь Ятсена предназначался исключительно для китайцев, причем не только членов КПК и КСМК, но и Гоминьдана. Таким образом, он был учебным центром единого антиимпериалистического фронта, созданного в Китае по инициативе большевиков в январе 1924 г. путем вступления КПК в ГМД при сохранении политической и организационной самостоятельности компартии в Гоминьдане.

Долго не задержавшись в КУТВ, Дэн, его дядя и Фу Чжун через 12 дней после приезда перебрались в этот университет: кто-то в Исполкоме Коминтерна посчитал целесообразным направить подававших надежды коммунистов в главный «китайский» вуз СССР. В Коммунистическом университете трудящихся Востока молодые люди даже не успели освоиться, а его ректор Григорий Исаакович Бройдо уже направил их личные дела своему коллеге, ректору УТК Карлу Бенгардовичу Радеку.

29 января 1926 г. Дэн получил студенческий билет Университета им. Сунь Ятсена за № 233 на имя Ивана Сергеевича Дозорова. Тогда же ему выдали и полагавшийся каждому вновь прибывшему набор повседневных вещей: костюм, пальто, ботинки, сапожную щетку, рубашку, полотенце, мочалку, носовые платки, расческу, мыло, зубную щетку и зубной порошок¹⁰. После этого распределили в общежитие, и на следующий день, в субботу 30 января, он наконец сел за парту.

Учебный план УТК был крайне насыщенным. Дэн принялся изучать русский язык, историю развития общественных форм (исторический материализм), историю китайского революционного движения и революционных движений на Западе и Востоке, историю ВКП(б), экономическую географию, политическую экономию (по книге немецкого социалиста Карла Каутского «Экономическое учение Карла Маркса»), партийное строительство, военное дело и журналистику (в учебном плане последняя дисциплина обозначалась словом «Газета»)¹¹. Срок обучения составлял два года, студенты проводили в аудиториях по восемь часов шесть дней в неделю¹².

Практически все, что штудировал Дэн, было для него новым, и он впитывал материал как губка. Ведь, по его собственным словам, он и прибыл в Москву для того, что-

бы в конце концов «узнать, что же такое коммунизм». «Когда я работал в организации в Западной Европе, — писал он в автобиографии при поступлении в УТК, — я все время чувствовал, что недостаточно подготовлен и в результате часто совершал ошибки. Поэтому уже давно был полон решимости учиться в России. Однако тогда у меня не было денег на поездку, и я не мог осуществить задуманное. Я [всегда] остро ощущал, что мои знания о коммунизме поверхностны. Это понимали и другие... Поэтому, пока я нахожусь в России, я буду упорно учиться, чтобы получить более полные знания о коммунизме. Я думаю также, что у нас, молодежи Востока, очень сильно стремление к освобождению, но нам трудно систематизировать наши идеи и действия. Данное обстоятельство, разумеется, очень сильно затормозит нашу работу в будущем. Поэтому я приехал в Россию прежде всего для того, чтобы, научившись соблюдать железную дисциплину и получив коммунистическое крещение, полностью коммунизировать свои идеи и поступки. Приехав в Москву, я уже принял решение не колеблясь отдать всего себя нашей партии, моему классу. Отныне я буду всей душой воспринимать партийное воспитание, подчиняться партийному руководству и неизменно бороться за интересы пролетариата»¹³.

При распределении Дэна зачислили в учебную группу № 7 (всего в УТК их было тринадцать, в каждой — по 25–40 чел.). Седьмая группа была особой — в нее включали студентов, считавшихся наиболее перспективными с точки зрения их дальнейшего карьерного роста как в рядах КПК, так и Гоминьдана. Вместе с Дэном в ней стали учиться его друг Фу Чжун и дядя Дэн Шаошэн, а также Цзян Цзинго (псевдоним — Николай Владимирович Елизаров), сын начальника военной школы Вампу Чан Кайши, Цюй У (Н.К. Шипов), племянник главы ГМД Ван Цзинвэя и зять члена ЦИК этой партии Юй Южэня, Гу Чжэндин (Люксембург), будущий член ЦИК ГМД и заведующий его орготделом, Дэн Вэньи (Зацепин), будущий начальник спецслужб Гоминьдана и Сяо Чжаньюй (Писарев), будущий глава гоминьдановского горкома в Нанкине. Эта группа неформально называлась «кружок теоретиков».

Преподавание в группе велось на русском, что, конечно, сказывалось на качестве обучения. Ведь во время лекций половина часов уходила на последующий устный перевод, причем не всегда адекватный. Но ничего другого администрация УТК предложить Дэну не могла: групп с преподаванием на китайском языке не было, а в имевшуюся французскую группу Дэн не подходил: прожив во Франции пять лет, он так и не научился языку этой страны.

Но Дэн не унывал. По словам его дочери, ему все время было «радно на душе», так как он чувствовал себя раскрепощенным¹⁴. Он упорно и с большим интересом занимался, сидя по многу часов в библиотеке, и хотя русский язык ему не давался так же, как и французский, но зато общественные дисциплины, в том числе история ВКП(б), история общественных форм и марксистская экономика, шли у него на «отлично». В университете было немало китайских переводов произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и Бухарина. И именно им Дэн уделял первостепенное внимание.

Его приподнятому настроению способствовала окружающая обстановка. В 1926 г. в Москве и в СССР в целом повсюду расцветал нэп. Новая экономическая политика большевистской партии была направлена на развитие рыночной экономики под контролем РКП(б). Плоды нэпа ощущались повсеместно, в том числе в университете. Экономика страны была на подъеме, рынок все более насыщался товарами государственного и частного производства. Открывались новые магазины, рестораны, кафе. «У нас никогда не было недостатка в курах, утках, рыбе и мясе, — вспоминал один из соучеников Дэна. — Мы получали хорошее питание три раза в день... На завтрак, например, нам давали яйца, хлеб с маслом, молоко, колбасу, чай, а иногда даже икру... Вдобавок, служащим университета так хотелось произвести на студентов благоприятное впечатление, что когда мы устали от русской пищи, они поспешили нам угодить, пригласив на службу китайского шеф-повара. С этого времени у нас появился выбор — русская или китайская

кухня»¹⁵. Хорошо организованным был и отдых студентов: они посещали музеи, выставки и театры. А летом 1926 г. даже съездили на экскурсию в Ленинград¹⁶.

Такая жизнь в корне отличалась от полуголодного существования Дэна во Франции, где в течение пяти лет он то работал за гроши, то перебивался на пособие по безработице. Преимущества нэповского социализма, который строила большевистская партия, были налицо! Их подтверждало чтение марксистско-ленинских книг и статей, а также тогдашних выступлений Сталина и Бухарина. «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества», — напоминал Дэн слова Маркса¹⁷. «Пытаться запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т.е. торговли, т.е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей [— т]акая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее. Глупостью, ибо эта политика экономически невозможна; самоубийством, ибо партии, пробуящие подобную политику, терпят неминуемо крах», — читал он у Ленина¹⁸. «Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства... рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики», — осмысливал он утверждения Сталина¹⁹. «Смысл нэпа заключается в том, что мы, используя хозяйственную инициативу крестьян, мелких производителей и даже буржуа, допуская, таким образом, частное накопление, — мы вместе с тем, в известном смысле, ставим их объективно на службу социалистической госпромышленности и всего хозяйства в целом... В общем и целом всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство. Только идиоты могут говорить, что у нас *всегда* должна быть беднота; мы должны теперь вести такую политику, в результате которой у нас беднота исчезла бы», — размышлял он над высказываниями Бухарина²⁰.

Немало времени отнимала у Дэна партийно-политическая работа. Вскоре после начала занятий на общем собрании комсомольцев УТК его избрали в бюро университетской организации КСМК, а студенты-коммунисты 7-й группы сделали его своим парторгом²¹, так что он поневоле оказался втянут в острую фракционную борьбу, развернувшуюся в университете. Дело в том, что в начале 1926 г. Жэнь Чжосюань выдвинул лозунг: «Собрания — на первое место, учеба — на второе; практика — на первое место, теория — на второе»²². Студентов, уделявших больше внимания учебе, нежели партсобраниям, открыто клеймили за «академизм» и «индивидуализм», а тех, кто, не досиживая до конца многочасовых митингов, уходил обедать, критиковали как «мелкого буржуа» и «эгоиста». Многие преподаватели были недовольны²³, наибольшее негодование выражал сам ректор Радек, который хотя и являлся старым членом ленинской гвардии, но больше всего на свете ценил личную свободу. 18 февраля 1926 г. он выступил с осуждением руководства Московского отделения КПК на общем партийном собрании УТК²⁴. После чего собственноручно набросал план работы отделения, в котором, в частности, призвал студентов-членов китайской компартии изучать марксизм-ленинизм и идеи Сунь Ятсена, укреплять в себе дух взаимопомощи и перестать слепо подчиняться начальству. Он потребовал от Жэнь Чжосюаня не мешать студентам свободно мыслить и обсуждать любые проблемы, связанные с китайской революцией²⁵.

Призыв Радека пал на благодатную почву. Немало энергичных молодых китайцев, мечтавших сделать партийную карьеру в Москве, открыто выступили против Московского отделения. Во главе их встал двадцатилетний уроженец провинции Аньхой, член КСМК Чэнь Шаоюй, заклеивший теоретические и практические установки Жэнь Чжосюаня звучавшим как приговор словом «рафаиловщина» (по псевдониму Жэня — Рафаил). В результате весной 1926 г. учебный процесс оказался почти полностью пара-

лизован. К счастью, в июне начались каникулы, и студенты, в том числе Дэн, переехали в подмосковный санаторий «Тарасовка» (по Ярославской железной дороге). Однако и здесь, на вольном воздухе, Чэнь и его товарищи не хотели прекращать полемику. Они провели бурное общее собрание, направленное против Жэнь Чжосюаня и других «боссов» Московского отделения, которое не прекращалось четыре дня: до тех пор, пока прибывший в Тарасовку Радек не объявил от имени ЦК ВКП(б), Исполкома Коминтерна (ИККИ) и ректората университета о ликвидации Московского отделения и рассмотрении в ближайшее время вопроса о переводе китайских студентов-коммунистов в ряды большевистской партии. Летом 1926 г. Жэнь Чжосюань выехал на родину²⁶.

После этого все китайские коммунисты, в том числе Дэн, по решению Оргбюро ЦК большевистской партии стали кандидатами в члены ВКП(б), что сделало их полностью зависимыми от российских коммунистов, руководивших университетским парткомом. Ведь кандидаты не обладали правом решающего голоса и занятия выборных должностей, так что конкурировать с полноправными членами партии, тем более с теми, кто возглавлял партком УТК, они не могли. Да и парткомовское начальство, придерживавшееся, в отличие от ректора Радека, точно таких же взглядов на партстроительство, как лидеры Московского отделения КПК, не допускало никакой самостоятельности. Так что методы партработы в УТК практически не изменились. Все члены партии и комсомола были по-прежнему обязаны принимать участие в многочасовых партийных собраниях, а также других мероприятиях: групповых дискуссиях и заседаниях «кружков текущей политики», где от них требовалось публично выражать преданность партийному руководству²⁷. Секретарь парткома УТК Седников неустанно внушал китайским студентам, что ни о какой демократии в партии, ведущей борьбу за победу революции, говорить нельзя: демократия в ней допустима только тогда, когда партия завершит строительство социализма²⁸.

Дэна все это, однако, не смущало. Несмотря на вспыльчивый характер, он старался не допускать уклонов, принимая ту точку зрения, которую высказывало большинство, а потому держался «на плаву», соблюдая железную партийную дисциплину.

12 августа 1926 г., развивая идеи Седникова, он в одном из своих классных сочинений написал: «Центральная власть распространяется сверху вниз. Совершенно необходимо подчиняться приказам начальства... Демократия не всегда неизменное понятие. Расширение или сокращение демократии зависит от изменений в окружающей среде. Например, в дореволюционной России нельзя было расширять демократию. Точно также нельзя этого делать в современном Китае»²⁹.

Поэтому партком УТК регулярно давал Дэн Сяопину положительные характеристики. Так, в одной из них, датированной 16 июня 1926 г., отмечалось: «Все [его] поступки соответствуют предъявляемым к коммунистам требованиям, непартийные проявления отсутствуют. [Он] уделяет особое внимание вопросу партийной дисциплины, очень интересуется общеполитическими проблемами и довольно хорошо в них разбирается, на собраниях партячейки активно участвует в обсуждении различных вопросов и вовлекает товарищей в дискуссии. Случаев неявки [на партсобрания] не имеется. Партийные поручения. выполняет успешно... Отношения с товарищами... тесные... Относится к учебе. с большим интересом. Старается научиться влиять на людей. Не роняет. авторитет партии перед членами Гоминьдана... Очень продвинулся вперед в понимании задач партии, непартийных уклонов не имеет, умеет оказывать партийное воздействие на комсомольцев... Наиболее пригоден... к пропагандистской и организационной работе»³⁰. В другой характеристике от 5 ноября 1926 г. подчеркивалось: «Очень активный и энергичный партиец и комсомолец (канд[идат] ВКП(б)). Один из лучших оргработников в бюро КСМ Университета. Будучи дисциплинированным и выдержанным, а также способным к учебе, т. Дозоров извлек большой опыт из своей оргработы в Бюро КСМ и сильно вырос. Принимал активное участие в общественной работе. Во взаимоотношениях с другими —

товарищ. В учебе был на первых местах. Партийная подготовка — хорошая (был индивидуалом — по индивидуальной обработке ГМД-новцев — на эту работу назначались наиболее подготовленные партийцы). Может быть использован лучше на оргработе»³¹. 9 октября 1926 г. общее собрание 7-й учебной группы, в которой Дэн был парторгом, сочло «целесообразным и полезным» перевести его из кандидатов в члены ВКП(б), «так как он хорошо и добросовестно вел работу и активно»³².

По-партийному хорошо зарекомендовал себя Дэн и в моральном плане. В университете на несколько сот мужчин было всего два-три десятка женщин, но в отличие от большинства сверстников, не дававших им прохода, Дэн вел себя с ними очень скромно. Ему, правда, нравилась одна девушка, носившая псевдоним Догадова, симпатичная, худенькая, с короткой стрижкой, тоненькими черными бровями и чуть припухлыми губами, но Дэн никаких шагов к сближению не делал. Все его время отнимала учеба и партработа. Он знал только, что настоящее имя девушки — Чжан Сиюань (Чжан «Ниспосланное Небом яшмовое украшение»), что родилась она в семье железнодорожника на станции Лянсян уезда Фаншань провинции Чжили 28 октября 1907 г., т.е. была на три года младше приехала в УТК из Китая за два месяца до него вместе с Чэнь Шаоюем, а вступила в компартию на несколько месяцев позже — в декабре 1925 г.³³ уже в Москве. Чжан училась в параллельной группе и так же как Дэн входила в бюро университетской комсомольской организации. Правда, занималась она не очень добросовестно, на «троечку», да и с партработой у нее не все обстояло гладко: один раз она даже получила выговор за «невыполнение партпоручения»³⁴. Так что ей тоже было не до романов: следовало завоевывать доверие организации. (Дэн и Чжан полюбят друг друга и станут мужем и женой только в 1928 г. — через год после возвращения на родину Дэн Сяопина и через полгода — Чжан Сиюань. Это произойдет в Шанхае, где он и она будут работать в Секретариате ЦК КПК³⁵).

Между тем в Китае события развивались с головокружительной быстротой. Чан Кайши, ставший весной 1926 г. главнокомандующим Национально-революционной армии (НРА) Гоминьдана, в начале июля 1926 г. начал Северный поход — военную экспедицию, задуманную еще создателем Гоминьдана Сунь Ятсеном для покорения господствовавших в то время в разных провинциях Китая милитаристов. Объективным союзником Чан Кайши была так называемая Националистическая армия, дислоцированная в Северо-Западном Китае. Ее командующий, маршал Фэн Юйсян заявил о поддержке Гоминьдана уже в октябре 1924 г., когда восстал против своего тогдашнего патрона милитариста У Пэйфу и занял Пекин. Тогда же он обратился за помощью к СССР, и вскоре к нему прибыли несколько десятков советских военных советников, а затем поступило вооружение на сумму свыше 6 млн руб. Однако за три с половиной месяца до Северного похода маршал Фэн потерпел крупнейшее поражение от северокайтайских милитаристов, после чего в самом начале мая 1926 г. вместе с семьей выехал в Советский Союз — вести переговоры о расширении советской военной помощи и «ожидать развития событий в Китае»³⁶. Тем не менее, Чан Кайши успешно начал поход, и уже 11 июля его войска, воодушевленные идеями национальной революции, одержали первую крупную победу над У Пэйфу, после чего заняли столицу провинции Хунань город Чанша.

Между тем Фэн Юйсян в Москве достиг договоренности с руководством РКП(б) о предоставлении ему дополнительно материальной помощи более чем на 4,3 млн руб. Кроме того, группа его советских советников была усилена за счет новых кадров, военным и политическим руководителем которых Политбюро назначило командира 1-го стрелкового корпуса Ленинградского военного округа Михаила Владимировича Сангурского (Фэну его представили под вымышленной фамилией Усманов). Проведя в Москве три с лишним месяца (с 9 мая по 16 августа 1926 г.), маршал Фэн уехал в Китай, где в то время продолжало разворачиваться революционное движение³⁷. 17 августа Чан Кайши

возобновил Северный поход — из Чанша в направлении Ухани. К осени 1926 г. НРА вышла в долину реки Янцзы, предварительно разгромив основные силы У Пэйфу³⁸.

Понимая, что до окончательной победы Гоминьдана над милитаристской реакцией во всей стране не далеко, Фэн сразу же по приезде в Китай 17 сентября 1926 г. торжественно поклялся бороться за свободу и независимость Родины до последнего вздоха. Тогда же он объявил, что все его подчиненные коллективно вступают в Гоминьдан и вновь обратился в Москву — на этот раз с просьбой прислать ему дополнительную группу советников³⁹.

В Коминтерне посчитали целесообразным направить к Фэну хорошо зарекомендовавших себя китайских студентов УТК и КУТВ. Отобрали более 20 человек, в том числе Дэна, который даже не окончил положенный двухгодичный курс обучения. Северный поход вступал в решающую фазу, и работники ИККИ справедливо полагали, что «откладывать, работу и сокращать ее до тех пор, пока некоторые тт. в Москве закончат учебу — абсурд»⁴⁰.

12 января 1927 г. Дэна отчислили из Университета им. Сунь Ятсена, и в тот же день он выехал на родину — через южную Сибирь и Монголию в город Сиань, захваченный армией Фэн Юйсяна еще в ноябре 1926 г.

На этом годовое пребывание Дэн Сяопина в СССР завершилось. В итоговой характеристике, данной ему парткомом УТК говорилось: «Очень активный и энергичный, один из лучших оргработников. Дисциплин[ирован] и выдержан. В учебе на 1-х местах. Подготовка хорошая»⁴¹. Постановление общего собрания 7-й учебной группы о переводе его из кандидатов в члены ВКП(б) пришлось, однако, отменить⁴²: Дэн возвращался в Китай, где вновь становился официальным членом КПК.

Впереди молодого и способного коммуниста ждала революция, на волне которой он и его товарищи по партии рассчитывали прийти к власти. А в отдаленном будущем — слава великого реформатора китайского социализма.

Год пребывания Дэна в Советской России таким образом не пропал даром не только для него, но и для всего китайского народа. Ведь то, что Дэн увидел и прочитал за то время, пока учился, все, что внушили ему учителя-большевики, несомненно оказало влияние на формирование его марксистских взглядов. И то, что рожденный Дэн Сяопином и его соратниками в КНР «социализм с китайской спецификой» во многом напоминает советский нэп, в немалой степени объясняется полученным им советским образованием. Тем более, что, по собственным словам Дэна, он ни до, ни после СССР никогда всерьез марксизму не учился⁴³.

1. См.: *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001. С. 237.
2. См.: Личное дело Дивакова (Фу Чжуна) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1251; Личное дело Данилина (Дэн Шаошэна) // Там же. Д. 1637.
3. Подробнее см.: *Спичак Д. А.* История подготовки китайских студентов в Московских учебных центрах Коминтерна: цели, методы, результаты (1921–1939 гг.). Канд. дисс. М., 2010. С. 44—47.
4. Там же. С. 46, 48.
5. Из 300 членов Европейских отделений КПК и КСМК в то время в Москве учились более 200 (см.: Дэн Сяопин цышу Автобиографические заметки Дэн Сяопина]. Пекин, 2004. С. 23.
6. Личное дело Дэн Сисяня (Дозорова) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1629. С. 1–4.
7. Чжэн Чаолин хуэйилу [Воспоминания Чжэн Чаолина]. [Сянган], б. г. С. 58–60, 66–67.
8. *Жэнь Чжосюань.* Лю Э гуйго хоудэ хуэйи [Воспоминания о жизни в России и о том, что случилось после возвращения на родину] // Люши нянь лай чжунго лю Э сюэшэнчжи фэнсян дяоку [Воспоминания китайских студентов об [их] пребывании в России 60 лет назад]. Тайбэй, 1988. С. 74.

9. Дэн Сяопин цзышу. С. 28.
10. *Панцов А.В.* Указ. соч. С. 237; Дэн Сяопин, 1904–1997. Пекин, 2009. С. 31; *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution. A Personal Account.* Lawrence, KS, 1971. Р. 88; *Усов В. Н.* Дэн Сяопин и его время. М., 2009. С. 56–66.
11. См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 16. Л. без №; *Далин С. А.* Китайские мемуары. 1921–1927. М., 1975. С. 176.
12. В Университете трудящихся им. Сун-Ят-Сена // Правда. 1926. 11 марта, со второй половины 1926 г. — по восемь часов (с понедельника по среду) и по шесть (с четверга по субботу) (РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 17. Л. 53).
13. Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 175; Дэн Сяопин цзышу. С. 26–27.
14. *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. М., 1995. С. 127.
15. *Шэн Юэ.* Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания. М., 2009. С. 102, 103.
16. См.: *Маомао.* Указ. соч. С. 128; *Усов В.Н.* Дэн Сяопин и его время. М., 2009. С. 56–66.
17. *Маркс К.* Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 19.
18. *Ленин В.И.* О продовольственном налоге // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 43. С. 222.
19. *Сталин И.В.* Заключительное слово по Политическому отчету Центрального комитета // *Сталин И. В.* Соч. М., 1952. Т. 7. С. 364.
20. *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М., 1988. С. 137.
21. См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1629. Л. без №; *Шэн Юэ.* Университет Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. С. 86; Дэн Сяопин хуачжуань [Иллюстрированная биография Дэн Сяопина]. Чэнду, 2004. Т. 1. С. 26.
22. Цит. по: *Yu Miin-ling. Sun Yat-sen University in Moscow, 1925–1930. Ph.D. Dissertation.* New York, 1995. P. 179.
23. Ibid.
24. РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 2. Д. 33. Л. 28–30.
25. Там же. Л. 31–32.
26. РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 42. Л. без №; *Сунь Ефан.* Гуаньюй Чжунгун люй Мо чжибу [О Московском отделении КПК] // Чжунгун данши цзыляо [Материалы по истории КПК]. 1982. № 1. С. 180–183; *Шэн Юэ.* Университет им. Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. С. 79. Жэнь стал работать в Гуандунском, а затем Хунаньском комитетах КПК. После поражения коммунистического движения летом 1927 г. был арестован и предал компартию, перейдя на сторону Гоминьдана. В 1945 г. был избран кандидатом в члены ЦИК ГМД и в 1949–1950 гг. являлся заместителем заведующего и даже исполняющим обязанности заведующего отделом пропаганды ЦИК этой партии. Умер он на Тайване 29 января 1990 г. (см.: *Pantsov A, Levine S.* Chinese Comintern Activists: An Analytic Biographic Dictionary (manuscript). P. 255–257; Миньго жэньу да цыдянь [Большой словарь персоналий Республики]. Шицзячжуан, 1991. С. 217).
27. См.: *Yu Miin-ling. Sun Yat-sen University in Moscow, 1925–1930.* P. 172–173.
28. Ibid. P. 175.
29. РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 2. Д. 15. Л. 42 оборот.
30. Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 129; *Маомао.* Водэ фуцинъ Дэн Сяопин [Мой отец Дэн Сяопин]. Пекин, 1997. С. 149.
31. Личное дело Дэн Сисяня (Дозорова). Л. 18. В другой копии этого документа имелось добавление: «Имеет опыт работы в пролетарских организациях во Франции» (Дэн Сяопин хуачжуань. С. 24; Фэнбэй — Дэн Сяопин гуцзюй чэньлегуань [Памятник — Музей на месте рождения Дэн Сяопина]. Чэнду, 2005. С. 28).
32. Личное дело Дэн Сисяня (Дозорова). Л. 9.
33. Дэн вступил в КПК, точнее в ее Европейское отделение, в Лионе в апреле 1925 г. (См.: Личное дело Дэн Сисяня (Дозорова). Л. 2 оборот, 4, 5, 10 оборот, 12 оборот; Личное дело Дэн Сисяня // Там же. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2574. Л. 3; Дэн Сяопин цзышу. С. 1, 31.) Утверждения дочери Дэна Маомао о том, что Дэн якобы стал членом компартии в 1923 г., явно надуманы. Они основаны на предположении, что избрание ее отца членом исполкома Европейского отделения ССМК в то время автоматически означало его прием в партию (см. 8. *Маомао.* Водэ фуцинъ Дэн Сяопин. С. 117, 121.)

34. См.: Личное дело Догадовой // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1669; Дэн Сяопин хуачжуань. С. 41.
35. См.: Чжан Цзолинь хуэйилу. С. 203; *Маомао*. Мой отец Дэн Сяопин. С. 158.
36. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. М., 1996. Т. 2. С. 228, 281.
37. См.: Фэн Юйсян жицзи [Дневник Фэн Юйсяна] Нанкин, Т. 2. 1992. С. 177—15; *Фэн Юйсян*. Водэ шэнхо [Моя жизнь]. Харбин, 1984. С. 461–482; ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 2. С. 241, 242; *Шэн Юэ*. Университет имени Сунь Ятсена и китайская революция. С. 151–161; *Цинь Яньши и др.* Лю Боцзянь // Чжунгундан ши жэньу чжуань [Биографии деятелей истории КПК]. Сиань, 1982. Т. 4. С. 267–268.
38. См.: Мао Цзэдун няньпу, 1893–1949 [Хронологическая биография Мао Цзэдуна, 1893–1949] Т. 1. Пекин, 2002. С. 169–172; *Юрьев М. Ф.* Революция 1925–1927 гг. в Китае. М., 1968. С. 416; *Вишнякова-Акимова В. В.* Два года в восставшем Китае, 1925–1927. Воспоминания. М., 1965. С. 273–302; *Chang Kuo-t'ao*. The Rise of the Chinese Communist Party. Lawtence, KS, 1972. Vol. 1. P. 532–572.
39. См.: *Sheridan J. E.* Chinese Warlord. The Career of Feng Yü-hsiang. Stanford, 1966. P. 203–209.
40. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 2. С. 449.
41. Фотокопию документа см.: Дэн Сяопин цзышу. С. 28; Дэн Сяопин хуачжуань. С. 29.
42. См.: Личное дело Дэн Сисяня (Дозорова). Л. 9.
43. См.: *Маомао*. Мой отец Дэн Сяопин. С. 93.